

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДОКТРИНА И РЕАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА  
(Об особенностях политического поведения конституционно-демократической партии  
в период войны и революции)**

*Работа представлена кафедрой политологии и правоведения  
Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета.*

*В статье комментируется политическая позиция конституционно-демократической партии в отношении метаморфоз государственности в революционную эпоху. Известно, что сразу же после объявления войны конституционные демократы всецело выступили в поддержку политического курса верховной власти и призвали к консолидации общественности. Такая политическая логика партии кадетов напрямую восходила к важнейшим принципам традиционной либеральной идеологии – делать все, чтобы не допустить окончательного разрушения государственности. Вот почему в условиях революции кадеты превратились из либеральной партии в консервативную и даже реакционную партию, быстро утратившую свою былую популярность.*

**Ключевые слова:** война, революция, русская государственность, конституционно-демократическая партия.

*L. Baltovsky*

**POLITICAL DOCTRINE AND PRACTICAL POLITICS  
(features of political behaviour of the Constitutional Democratic Party during the war  
and revolution)**

*The political position of the Constitutional Democratic Party concerning the statehood metamorphoses in the revolutionary epoch is considered in the paper. The Constitutional Democrats are known to come out in support of the political course of the supreme power right after the declaration of war and to appeal for society consolidation. That political logic of the party directly went back to the important principles of the traditional liberal ideology – doing everything in order not to allow the*

*statehood go to ruin completely. That is why under the revolution conditions the Constitutional Democrats turned from the liberal party into a conservative and even reactionary one, which quickly lost its popularity.*

*Key words: war, revolution, Russian statehood, Constitutional Democratic Party.*

Среди множества симптомов приближающейся революционной катастрофы наиболее серьезным вызовом для монархической государственности является война. Если «призрак» революции служит для нее *внутренней* угрозой, то война как своеобразный катализатор кризисов оказывается угрозой *внешней*. Именно с военных действий против третьих стран, как правило, начинаются необратимые внутренние процессы, которые, в конце концов, приводят к революции. Подтачиваемая противоречиями политическая система быстро теряет управляемость. Для того чтобы уяснить политическую позицию партии Народной свободы в отношении метаморфоз государственности в революционную эпоху, важно проанализировать, как данный принцип воспринимался кадетами (и в первую очередь – их лидером П. Н. Милюковым) в предшествовавшие революции годы Первой мировой войны.

Известно, что конституционные демократы всецело выступили в поддержку политического курса верховной власти и призывали к консолидации общественности сразу же после объявления войны. В воззвании «К единомышленникам», принятом ЦК партии Народной свободы в конце августа 1914 г., говорилось: «Каково бы ни было наше отношение к внутренней политике правительства, наш первый долг сохранить нашу страну единой и нераздельной и удержать за ней то положение в ряду мировых держав, которое оспаривается у нас врагами. Отложим же внутренние споры, не дадим врагу ни малейшего повода надеяться на разделяющие нас разногласия и будем твердо помнить, что теперь первая и единственная задача наша – поддержать борцов верой в правоту нашего дела» [9, с. 5]. На заседании фракции партии в Государственной думе были объявлены главные цели, реализации которых России следова-

ло добиваться военным путем: освобождение «родины от иноземного нашествия», «Европы и славянства от германского преобладания», а «всего мира – от непосильного гнета постоянно растущих вооружений» [9, с. 6].

Общий смысл аргументации конституционных демократов можно изобразить следующим образом. Ведение государством военных действий ориентировано на усиление стратегических позиций страны, укрепление ее суверенитета, приумножение политической и экономической мощи. Война предполагает защиту государственности от внешней угрозы, и поэтому внутренние силы должны найти ресурсы для примирения во имя отражения экспансии извне, сплочения и проведения совместной политики. Народ в таком экстраординарном случае интерпретируется как надклассовая целостность, прямая задача которого состоит в том, чтобы сохранить отечество (государственность) единым, удержать законное место в ряду мировых держав, оспариваемое посредством военных действий внешними врагами. Решение внутривнутриполитических противоречий, внутренних споров и конфликтов необходимо отложить до момента окончания войны с тем, чтобы у врага не возникло ни малейшего повода надеяться на обострение внутренних конфликтов и появление так называемой «пятой колонны».

Первая стадия эволюции отечественной государственности в условиях войны и революции обуславливалась *единством всех политических сил вокруг монархической государственности*. Объединяющим всех началом кадеты провозгласили чувство здорового патриотизма, ведомое общей волей. Общественности надлежало без каких-либо предварительных условий и требований в адрес правительства сплотиться вокруг власти. Политическая тактика внут-

ренного мира («воздержания от дальнейшей внутренней борьбы» [9, с. 4]) прокламировалась во имя общегосударственных интересов. Государство объявлялось еще более высокой социальной целостностью, нежели народ. При этом внешнеполитические интересы государственности распространялись не только на защиту собственной территории, но и на установление контроля над стратегически важными геополитическими пространствами (в частности, над черноморскими проливами Босфором и Дарданеллами, а также Константинополем). Поскольку характер войны воспринимался как народный и освободительный, главным идеологическим предписанием стал лозунг «Война до победного конца». Победа в войне должна была упрочить стратегическое положение России в Европе, усилить ее политическое влияние, стимулировать развитие экономики страны. Такой в общих чертах являлась общеполитическая установка партии конституционных демократов и ее лидеров после объявления войны. Однако этот консолидирующий сценарий продержался совсем недолго.

После того, как весной и летом 1915 г. русская армия стала терпеть поражения, нести огромные территориальные и человеческие потери, возникла прямая угроза российской государственности. В стране появились многочисленные признаки приближающегося общеполитического коллапса. Хозяйственная разруха, недовольство масс, неуправляемость процессами, коррупция со стороны должностных лиц – все это довольно быстро привело к тому, что кадеты встали в радикальную оппозицию к правительству. Вторая стадия эволюции отечественной государственности основывалась совсем на ином сценарии. Общественность, ведомая партией кадетов, продолжая политику защиты государственности, начала активные выступления против правительства. Парадоксально, но для сохранения государственности они вынуждены были вступить на путь радикальных перемен.

Таким образом, был проведен окончательный водораздел между монархической

государственностью, отождествляемой с общественностью, и царским правительством, которое, по причине своего «политического бессилия» объявлялось главным источником поражений на фронте. «Чтобы справиться со всеми этими явлениями ненормального времени, – писал впоследствии Милюков, – нужна была действительно *военная диктатура* (курсив наш. – Л. Б.), в которую и превратилось мало-помалу управление таких демократических стран, как Англия и Франция. У нас, наоборот, эти же самые явления создали для власти и закона – обстановку полного бессилия» [7, с. 27]. Из слабости верховной власти происходили такие факторы, как бездарность военных чиновников и халатность и прямой саботаж тыловых служб и штабов, росли слухи о том, что министры настаивают на заключении скорейшего мира с Германией. Все это не только дестабилизировало общеполитическую ситуацию, но и негативно влияло на умонастроения масс. По мере неудачного для России хода военных действий со стороны кадетов ширились призывы «побеждать вопреки правительству».

На протяжении следующего 1916 г. противостояние между правительством и Государственной думой только усугублялось. Общественность принялась создавать новые альтернативные институты: военно-промышленные комитеты, земско-городские союзы, особые совещания, различные комиссии. Был образован так называемый «Прогрессивный блок», который составили прогрессисты, кадеты и октябристы. Со стороны общественности возросли требования создания такого правительства, которое бы пользовалось доверием народа и несло политическую ответственность перед Думой. Царское правительство, в свою очередь, совершенно не было склонно к компромиссам и даже не пыталось маневрировать. Милюкову, выражавшему мнение политических реформаторов, не оставалось ничего, как публично заявить о решительной борьбе с правительством. На заседании Государственной думы 1 ноября 1916 г. он произнес речь, ставшую впоследствии зна-

менитой, в которой прямо обвинил правительство в государственной измене. Правительству вменялось в вину то, что оно не желало доводить войну до успешного конца в полном согласии с союзниками.

И как впоследствии утверждал сам Милюков, «парламентское большинство» не желало революционного исхода и до самого конца боролось с радикальным вариантом развития событий, тем не менее именно с этого времени начался отсчет новой русской революции, что в конечном итоге решительным образом изменяет характер взаимоотношений между государством и общественностью. Февральская революция открывает новый этап эволюции отечественной государственности. По словам Милюкова, так называемые «умеренные элементы» «пошли на революционный переворот» с тем, чтобы взять власть в свои руки, или, другими словами, соединить представительную и исполнительную формы власти. Однако эти «элементы» были далеко не единственными политическими силами, кто претендовал в это время на власть. Правительство, образованное на принципиально новых для России, «общественных» основаниях, вступило в непримиримую борьбу с другой большой группой общественности (в оценке Милюкова, – «анархической» и «деструктивной»), которая руководствовалась собственными общественно-политическими интересами. Российская государственность, по существу, была подвергнута разрушительным испытаниям во имя реализации интересов больших социальных групп, различающихся между собой по целому ряду факторов, важнейшим из которых является отношение к средствам производства. Классовый союз ради сохранения государственности уступил место самой решительной классовой борьбе по поводу политической власти.

Примечательно, что и в этот исторический момент П. Н. Милюков отстаивал принцип конституционной монархии (компромиссного соединения традиционной и легальной форм легитимности) – как наиболее отвечающий условиям развития рос-

сийского народа и традициям отечественной государственности. Еще в годы первой русской революции он писал: «Сторонникам революции сверху народное представительство представляется такой же помехой, как сторонникам революции снизу. Нам опять начинают повторять, что, когда “черный” и “красный” ведут борьбу не на жизнь, а на смерть, промежуточным оттенкам между ними нет места. “Когда две борющиеся стороны стали лицом к лицу, когда нет другого выбора, как стать решительно на ту или другую сторону”. При таком взгляде, конечно, дума является лишним учреждением...» [5, с. 348]. Именно поэтому в самый разгар Февральской революции Милюков защищал преемственность государственной власти в пользу великого князя Михаила Александровича.

Из мемуаров лидера кадетов следует, что «вопрос о форме государственного строя» воспринимался им как приоритетный: «Очередь дошла до самого рогатого вопроса – о царе и династии. Я предвидел возражения и начал с оговорки: “Я знаю наперед, что мой ответ не всех вас удовлетворит. Но я скажу его. Старый деспот, доведший Россию до полной разрухи, добровольно откажется от престола – или будет низложен. Власть перейдет к регенту великому князю Михаилу Александровичу. Наследником будет Алексей”. В зале зашумели. Послышались крики: “Это – старая династия!” Я излагал с уверенностью позицию, занятую блоком, но эти выкрики меня несколько взволновали. Я продолжал повышенным тоном: “Да, господа, это – старая династия, которую, может быть, не любите вы, а может быть, не люблю и я. Но дело сейчас не в том, кто что любит. Мы не можем оставить без ответа и без решения вопрос о форме государственного строя. Мы представляем себе как парламентскую и конституционную монархию. Быть может, другие представляют иначе. Но если мы будем спорить об этом сейчас, вместо того, чтобы сразу решить вопрос, то Россия окажется в состоянии гражданской войны и возродится только что разрушенный ре-

жим. Этого сделать мы не имеем права» [6, с. 465, 466].

Политическая логика, которую воспроизводит в воспоминаниях Милюков, напрямую восходит к важнейшим принципам традиционной либеральной идеологии. Напомним, что Д. Локк во втором «Трактате о государственном правлении», решая проблему выживания государственности в условиях революции, обосновывал необходимость утверждения конституционной парламентарной монархии – наилучшей, по его мнению, формы государственного устройства. Основположник либерализма считал, что выход революции за пределы установленных требований (уничтожения деспотизма и утверждения разума и справедливости) является ошибочным и ведет страну к страшным потрясениям. Он признавал возможным неповиновение со стороны народа «наглости правителей» и «их попыткам захватить и осуществлять деспотическую власть над своим народом», однако полностью отвергал возможность «силой покушаться на права государя». Локк также полагал, что подобные «действия ведут к низвержению системы и структуры любого справедливого правления», что рассматривалось как «ужаснейшее преступление», на которое только оказывался способным человек. Признание неприкосновенности государственности как базисного условия существования гражданского общества вовсе не означало у основоположника либерализма одобрения несменяемости самой деспотической власти: «...если вследствие злоупотреблений лиц, находящихся у власти, они ее утрачивают, то в результате такой утраты или окончания установленного срока эта власть возвращается к обществу, и народ имеет право действовать в качестве верховной власти и продолжать являться законодательным органом, либо создать новую форму законодательной власти, либо, сохраняя старую форму, передать эту власть в новые руки, как сочтет лучшим» [4, с. 406].

П. Н. Милюков, как и Д. Локк, считал необходимым сделать все, что было в его

силах, чтобы не допустить окончательного разрушения государственности. Даже в условиях катастрофически разрушающейся государственности лидер кадетов продолжал курс прежней, реформистской, политики, опирающейся на сознательность граждан и поддержание государственным аппаратом законности и правопорядка. Но чем дальше развивались события, тем больше приходилось ему выступать в защиту государственности и тем самым пусть во многом и, вопреки своим убеждениям, переходить с реформаторских позиций к консервативным. Амбивалентный характер соединения реформаторства и консерватизма Милюкову пришлось объяснять уже в иной исторической обстановке, когда события развернулись в противоположную сторону и пошли по коммунистическому сценарию. В частности, он утверждал, что кадеты ограничивали свою основную политическую цель либо «достижением республики», либо установлением такой монархической власти с императором, который имел бы «номинальную власть»: «Полной разрухи мы не хотели, хотя и знали, что на войне переворот во всяком случае отразится неблагоприятно. Мы полагали, что власть сосредоточится и останется в руках первого кабинета министров, что временную разруху в армии и стране мы остановим быстро и если не своими руками, то руками союзников добьемся победы над Германией, заплатив за свержение царя некоторой отсрочкой этой победы» [Цит. по: 3, с. 44].

В самом начале революции конституционные демократы еще колебались в выборе между монархией и республикой, однако лишь до того момента, как в первые дни марта революционная стихия окончательно низвергла монархию и провозгласила Россию демократической республикой. Уже в конце марта 1917 г. решения VII съезда партии Народной свободы нормативно закрепили в политической доктрине кадетов идею демократической парламентарной республики, действующей на базе конституционного разделения законодательной, исполнительной и судебной властей. Соответственно, и

партийная программа включила в себя принципиально новое требование о том, что «Россия должна быть демократической парламентарной республикой»; «законодательная власть должна принадлежать народному представительству», и «во главе исполнительной власти должен стоять президент республики, избираемый на определенный срок народным представительством и управляющий через посредство ответственного перед народным представительством министерства» [11, с. 4, 5].

С обоснованием указанного пункта партийной программы на съезде выступал Ф. Ф. Кокошкин. По словам докладчика, монархия никогда не воспринималась кадетами наилучшей формой правления. Даже к конституционной и парламентарной ее разновидностям они относились как к средству, а вовсе не как к конечной цели. На парламентарную монархию они смотрели как на компромисс «между началом народоправства и началом абсолютизма», как на «переходную ступень от абсолютизма к народоправству», осуществляемую «наиболее легким образом» в тех конкретных исторических условиях, в которых страна оказалась после 1905 г. [12, с. 10, 11]. Руководствуясь политической целесообразностью, партия была вынуждена учитывать психологию большей части населения, которая сохраняла наивную веру в символ личной монархической власти. Ситуация коренным образом изменилась после Февральской революции, когда самодержавие совершило акт «самоликвидации». В стране фактически установился республиканский строй, и все же окончательное решение о форме государственного бытия должно было оставаться за Учредительным собранием, которому только и могла принадлежать вся полнота власти в сложившихся чрезвычайных обстоятельствах.

П. Н. Милюков воспринимал текущий исторический момент как *Rechtsbruch* («перерыв в праве»), однако потом ему пришлось признать, что «революция продолжалась: она вступила в новую стадию, продолжавшую новообразование права»

[6, с. 453]. Лидер партии конституционных демократов рассчитывал на то, что и в условиях революции возможно проводить политику реформ. Однако при отсутствии устойчивого, единственного центра власти революция оказалась совершенно не управляемой. В реальности поступательный ход революционного процесса означал не что иное, как распад отечественной государственности. Стараясь избежать этого, Временное правительство ставило перед собой задачу не «углубления революции», а «укрепления ее завоеваний» [7, с. 206]. Непосредственно после Февраля отвращение к старой власти у широких народных масс еще соседствовало с положительным отношением к представителям законодательной власти (распущенной к этому времени Государственной думы), которые исторически «плавно» переместились во власть исполнительную. Совсем скоро бессилие старой власти при общей недисциплинированности и отсталости страны перекинулось и на новую исполнительную власть, что не могло не сказаться на значительном понижении уровня ее легитимности.

Сторонники постепенных реформ во внутренней политике и продолжения военных действий в политике внешней, на первых порах находившиеся у власти, были вынуждены отдать бразды правления социалистам. Непримиемые противоречия между «буржуазными» партиями и представителями «революционной демократии» вскоре сменились принципиальными расхождениями внутри самого «демократического» лагеря. Борьба разгорелась между «умеренным социалистическим большинством» и «меньшинством», которое «представляло точку зрения утопического социализма: бланкизма и революционного социализма» [7, с. 205]. Поначалу это меньшинство еще не имело массовой поддержки, однако вскоре его «демагогические лозунги» стали находить поддержку у солдат и рабочих. «Центризм» (сочетание призывов к «твердой власти» с утопическими социальными лозунгами) терпел одно политическое поражение за другим. Милюков в

тот момент полагал, что партийные разногласия должна была заменить «общенациональная платформа» – «восстановление силы и единства власти» с тем, «чтобы сохранить за грядущим представительством всего народа свободу решений самых коренных вопросов политического и социального строя» [7, с. 207].

Следует отметить важнейшую особенность политического мышления кадетов этого исторического периода: государственность сконцентрировалась для них в самой наличной политической власти. Решение насущных экономических, социальных и прочих противоречий (что никогда не являлось сильной стороной политической доктрины партии конституционных демократов) отодвинулось совсем на дальний план, тогда как непосредственно «политическое» стало восприниматься как самодостаточное начало. Линия размежевания между различными политическими силами проходила именно по вопросу отношения к власти. Среди руководства страны не было единства: люди, которые должны были управлять государством, бездействовали. Три кризиса государственной власти в 1917 г. совпадали для Милюкова с тремя фазами бездействия власти. Первая была бездействием «бессознательным и наивным», вторая – «основанным на убеждении» и, наконец, третья – «бездействием, демагогически прикрываемым революционной фразой» [7, с. 208]. Власть, «допускаящая все» и ничего не совершавшая, в конечном итоге пришла к тому же самому результату, который получила старая власть, решительно не допускаящая никаких гражданских форм. И ту и другую власть ожидал свой революционный переворот.

Прогрессивно развивающаяся государственность тождественна сильной власти. Вслед за этим выводом Милюков отказывается от лозунга «демократических реформ» и признает необходимость утверждения в стране военной диктатуры. На первый план выступает новая общенациональная задача – остановить революционный процесс, и лидер кадетов посвящает свою деятельность

поискам потенциальных лидеров среди правых политических сил. Партия кадетов не обладала массовой поддержкой населения, поэтому главным предметом политической заинтересованности Милюкова стали военные. Известны его контакты с Союзом офицеров, участие в работе общеказачьего съезда, проходившего в июне в Петрограде.

После большевистского переворота в сознании лидера кадетов произошел еще один индивидуальный «переворот». Он вновь вернулся к идее «конституционной монархии» – к той точке отсчета, которая была отброшена большинством политических сил страны в начале марта. Милюков снова и снова продолжал высказываться в пользу монархии как оптимальной для страны форме государственного устройства. В декабре 1917 г. Милюков писал: «...спасение России в возвращении к монархии, знаем что все события последних двух месяцев ясно доказали, что народ не способен был воспринять свободу, что масса населения, не участвующая в митингах и съездах, настроена монархически, что многие и многие агитирующие за республику делают это из страха. Все это ясно, но признать этого мы просто не можем. Признание есть крах всего дела нашей жизни, крах всего мировоззрения, которого мы являемся представителями. Признать не можем, противодействовать не можем, не можем и соединиться с теми правыми, подчиниться тем правым, с которыми так долго и с таким успехом боролись» [Цит. по: 3, с. 45]. И летом 1918 г., когда в России окончательно победила «социалистическая революция» и кадеты были практически «выдавлены» с российской политической авансцены, Милюков продолжал задаваться «несвоевременным вопросом» о необходимости выбора между монархией и республикой – разумеется, после падения большевистского строя и утверждения этого выбора народной волей. Он снова возвращался к традиционному для кадетов тезису, согласно которому партия никогда не придавала «принципиального значения форме правле-

ния, если она только гарантировала парламентское правительство, и при этом условии» республика и конституционная монархия считались безразличными формами [1, с. 37, 38].

В вопросе, что представляет собой республика – идеал или целесообразность – Милюков придерживался последнего ответа. Республика являлась лучшим государственным строем для тех народов, которые достигли достаточно высокого уровня своего развития. Но это не означало, что республика могла служить одновременно еще и высшим идеалом, абсолютно пригодным для любого народа и для любой стадии исторического развития. Каждый политический строй имел свои достоинства и несовершенства. Наиболее подходящие политические формы должны были соответствовать потребностям общественного развития, обусловленного историческими и прочими особенностями. В известном смысле главное достоинство конституционной монархии заключалось в том, что при ней полностью разделялись функции правления (царствования) и управления. Народное представительство в условиях конституционной монархии воспринималось как политический компромисс между крайностями консерватизма и радикализма. Такой компромисс считался естественной формой договора между противоположными общественно-политическими силами, для реализации которого требовались соглашения, основанные на рационально (научно) аргументированных логических допущениях.

Милюков был убежден в том, что русская республика должна превратиться в нормы права. Лишь после того, как она вошла бы в сознание всей народной массы как право, только тогда в стране мог бы утвердиться новый республиканский правовой порядок. Советская республика, по его мнению, представляла собой «республику без народа, республику нового дворянства – коммунистической партии, именем которой правит немногочисленная кучка». «Все приемы этой республики, – писал он, – самые деспотические, а с народными массами

она расправляется хуже, чем с крепостными рабами»; «народные массы утратили всякую надежду на то, что эта власть может стать народной и смотрят на теперешних господ России как на власть узурпаторов – власть временную»; «практика большевистского беззакония и бесправия не может идти в сравнение ни с каким насилием самодержавного режима и отнюдь не может облечься в какое-либо право» [8, с. 11].

После большевистского переворота «старый порядок» и революция поменялись местами: революция узаконила самое себя и превратилась в форму политического порядка – в новый общественный строй. «Старому порядку», в свою очередь, следовало прибегнуть к попытке нового революционного переворота, чтобы вернуть власть в свои руки. Таким образом, именно старый режим оказывался «революционным», поскольку он не имел иных средств и методов, кроме насильственных для свержения власти большевиков. Главная причина, которой можно объяснить успех революции и относительную легкость низложения самодержавия и продолжительность существования советского общественного строя, объяснялись Милюковым тем обстоятельством, что массы признали революцию «своею» и тем, что она произошла в их собственных интересах. История преподавала очередной урок: «...революция выиграла от того, что самая основа свободной политической жизни была недостаточно прочна и широка; революция победила потому, что в своем стремлении к устройству нормальных условий жизни страна не встретила во время поддержки, и народ был доведен до пароксизмов отчаяния» [10, с. 6] – в этом, по Милюкову, заключалась логика всех революционных переворотов.

Существует точка зрения, согласно которой причиной политического поражения П. Н. Милюкова стала несовместимость либерализма и России [См.: 2]. В такой плоскости, очевидно, решать этот вопрос не имеет смысла: в конце концов, и коммунизм оказался мало сочетаем с нашей страной, хотя его вполне успешное развитие

продолжалось семьдесят лет. Причины неудач Милюкова и его партии следует искать не столько в области той или иной идеологии, сколько в самой практической политике. В условиях приближающейся или развивающейся катастрофы реальная политика в значительной степени востребует не должные нормативные требования, которые, как известно, более подходят к эволюционному типу развития, а некий набор конкретных антикризисных мер, обусловленных прежде всего тем, что можно назвать политическим инстинктом. Такой инстинкт должен быть «очищен» от моральных постулатов и юридических правил. При этом он вполне уживается с любыми идеологическими нормативами, облачаясь в те или другие идейные формы. Однако именно этот инстинкт (воля к власти) у Милюкова отсутствовал. «Едва ли не самым большим его недостатком, мешавшим стать государственным деятелем, было то, что верность партийной программе заслоняла от него текущие государственные нужды, потребности сегодняшнего дня. У него не было перспективы, и он не понимал значения постепенного осуществления определенной политической идеологии. В этом умеренном, сдержанном, рассудочном русском радикале сидел максимализм, так

сыгравший злых шуток с русской интеллигенцией» [13, с. 214].

На относительно короткий промежуток времени лидер партии конституционных демократов оказался на вершине исполнительной власти, где, казалось бы, мог в полной мере использовать свой высокий интеллектуальный потенциал и обширный научный инструментарий. Однако именно в этот драматический период отечественной истории доктринальные установки вступили в явное противоречие с практической политикой. Когда же после победы большевиков он резко сменил ориентиры (от лозунга «демократической республики» и требованию установления военной диктатуры), то судорожные попытки вступить в союз с бывшими заклятыми врагами – монархистами, германским правительством, затем и с социалистами – не могли не закончиться неудачей. Тем не менее, с позиций будущей политики любой опыт истории является необходимым и оправданным. *Casus* Милюкова навсегда останется историческим уроком попытки декларирования и проведения научной политики в первую очередь с точки зрения поиска оптимальных взаимоотношений между политической доктриной и политической практикой.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Дневник П. Н. Милюкова*. 1918–1921. М., 2005. 847 с.
2. *Думова Н. Г. Либерал в России: трагедия несовместимости*. Ч. 1. Жизнь в науке, 1859–1904 гг. М., 1993. 238 с.
3. *Коняев Н. М. Гибель красных Моисеев. Начало террора*. 1918 год. М., 2004. 495 с.
4. *Локк Д. Соч.*: в 3 т. М., 1988. Т. 3. 442 с.
5. *Милюков П. Год борьбы: Публицистическая хроника*. 1905–1906. СПб., 1907. 550 с.
6. *Милюков П. Н. Воспоминания*. М., 1991. 495 с.
7. *Милюков П. Н. История второй русской революции*. М., 2001. 767 с.
8. *Милюков П. Н. Республика или монархия?* М., 1996. 301 с.
9. *Милюков П. Н. Тактика фракции народной свободы во время войны*. Пг., 1916. 41 с.
10. *Милюков П. Вторая Дума. Публицистическая хроника*. 1907. СПб., 1908. 31 с.
11. Программа партии Народной Свободы (Конституционно-Демократической). Н.-Новгород, 1917. 112 с.
12. Стенографический протокол заседаний VII съезда партии народной свободы. Пг., 1917. 606 с.
13. *Тыркова-Вильямс А. Кадетская партия // Российские либералы: кадеты и октябристы*. (Документы, воспоминания, публицистика). М., 1996. 370 с.

**REFERENCES**

1. Dnevnik P. N. Milyukova. 1918–1921. M., 2005. 847 s.
2. *Dumova N. G.* Liberal v Rossii: tragediya nesovmestimosti. Ch. 1. Zhizn' v nauke, 1859–1904 gg. M., 1993. 238 s.
3. *Konyayev N. M.* Gibel' krasnykh Moiseyev. Nachalo terrora. 1918 god. M., 2004. 495 s.
4. *Lokk D.* Soch.: v 3 t. M., 1988. T. 3. 442 s.
5. *Milyukov P.* God bor'by: Publitsisticheskaya khronika. 1905–1906. SPb., 1907. 550 s.
6. *Milyukov P. N.* Vospominaniya. M., 1991. 495 s.
7. *Milyukov P. N.* Istoriya vtoroy russkoy revolyutsii. M., 2001. 767 s.
8. *Milyukov P. N.* Respublika ili monarkhiya? M., 1996. 301 s.
9. *Milyukov P. N.* Taktika fraktsii narodnoy svobody vo vremya voyny. Pg., 1916. 41 s.
10. *Milyukov P.* Vtoraya Duma. Publitsisticheskaya khronika. 1907. SPb., 1908. 31 s.
11. Programma partii Narodnoy Svobody (Konstitutsionno-Demokraticeskoy). N.-Novgorod, 1917. 112 s.
12. Stenograficheskiy protokol zasedaniy VII s'yezda partii narodnoy svobody. Pg., 1917. 606 s.
13. *Tyrkova-Vil'yams A.* Kadetskaya partiya // Rossiyskiye liberaly: kadety i oktyabristy. (Dokumenty, vospominaniya, publitsistika). M., 1996. 370 s.